Мамаша Бармалей

Автор:
Дарья Донцова

Мамаша Бармалей

Дарья Аркадьевна Донцова

Евлампия Романова. Следствие ведет дилетант #52Иронический детектив (Эксмо)

Если жизнь загнала тебя в угол, сделай из бумаги разноцветные фонарики, укрась ими этот самый угол и живи счастливо. Евлампия Романова не боится проблем, но иногда их оказывается так много, что даже Лампа теряется. В офис Макса Вульфа пришла Ирина Галкина и заявила, что у нее пропала дочь. Клиентка называла Алису малышкой, деточкой, ребенком. Но оказалось, что «детке»… двадцать четыре года и она работает преподавателем в колледже. Мать буквально повсюду водила дочь за руку. Так, может быть, Алиса сбежала от надоедливой опеки мамаши? Сыщики взялись за поиски и выяснили, что накануне исчезновения девушку видели вместе со студентом их колледжа Никитой Ракитиным: молодые люди спускались в подвал учебного корпуса. Никита – художник, известный в Англии иллюстратор детских книг, недавно вернувшийся в Россию. А вот его отец отбывает срок на зоне за убийство. Команда Вульфа начала изучать прошлое старшего Ракитина, и тут из всех шкафов посыпались такие скелеты…

Дарья Донцова – самый популярный и востребованный автор в нашей стране, любимица миллионов читателей. В России продано более 200 миллионов экземпляров ее книг.

Ее творчество наполняет сердца и души светом, оптимизмом, радостью, уверенностью в завтрашнем дне!

«Донцова невероятная работяга! Я не знаю ни одного другого писателя, который столько работал бы. Я отношусь к ней с уважением, как к образцу писательского трудолюбия. Женщины нуждаются в психологической поддержке и получают ее

от Донцовой. Я и сама в свое время прочла несколько романов Донцовой. Ее читают очень разные люди. И очень занятые бизнес-леди, чтобы на время выключить голову, и домохозяйки, у которых есть перерыв 15—20 минут между отвести-забрать детей». – Галина Юзефович, литературный критик

Дарья Донцова

Мамаша Бармалей

Глава первая

Если жизнь загнала тебя в угол, сделай бумажные разноцветные фонари, укрась ими этот самый угол и живи счастливо.

Утром, когда я, зевая, выползла на кухню, Роза Леопольдовна тут же спросила:

– Вы уже знаете страшную новость?

Я посмотрела в окно, там кружилась вьюга. Меня погода не расстроила, на календаре февраль, не стоит ждать, что распустятся ландыши. Можно, конечно, стонать по поводу отсутствия тепла, солнца, пения птиц, зелени. Но разве это нытье изменит метеоусловия? Лучше радоваться тому, что сейчас происходит. Сегодня так уютно сидеть дома, пить вкусный чай-кофе, читать любимую книгу. Весной и летом тянет гулять, а зима создана для домашних радостей.

– Ужас, ужас, ужас, – твердила тем временем Краузе.

Я включила чайник.

– Что случилось?

Наша помощница по хозяйству показала на телевизор.

– Только что сказали! Катастрофа! Катаклизм! Землю ожидает всепланетная беда!

Я открыла банку с заваркой. Времена, когда СМИ сообщали только приятные новости: «В СССР рекордный урожай зерновых», «Заводы перевыполнили план», «В одной семье родилось сразу десять детей», «Открыли новую поликлинику» – эти времена безвозвратно канули в Лету. Нынче все наоборот. Сейчас нам с восторгом вещают о том, что всю пшеницу, рожь, овес и гречку сожрала моль, фабрики прекратили работу, рождаемость стремительно падает, продукты в магазинах отравлены. Современное телевидение приходит в восторг, если, не дай бог, падает самолет, в доме взрывается газ и где-то орудует маньяк. Я давно перестала смотреть некогда любимые каналы, не радуют они меня нынче. Не доставляет мне удовольствия и шоу, во время которого вдова не очень популярного актера, коего авторы программы называют великим, дерется с его первой, второй, третьей супругами за наследство. И все эти тетки стихийно становятся в студии подругами, выстраиваются фалангой и сообща накидываются на последнюю любовницу лицедея. Та неожиданно появляется перед камерами в стадии глубокой беременности от покойного исполнителя эпизодических ролей.

– Она врет, – кричит одна из бывших жен.

– Как можно сейчас ждать ребенка от человека, который умер год назад, – возмущается его вдова.

– А мы яйцеклетки заморозили, – отбивается еще одна потенциальная наследница.

И тут наступает очередь доктора, до сих пор он молча сидел на диване.

– Да, да, имело место искусственное оплодотворение, я сам все сделал. Когда младенец появится на свет, проведем анализ ДНК!

Раздается вопль, стартует драка, и нецензурная брань летает по залу, ее безуспешно пытаются «запикать». Зрители в студии с разинутыми ртами наблюдают за спектаклем, и те, кто сидит дома у телевизоров, пребывают в

таком же состоянии. Восторг в глазах телеведущего, радость главного пиарщика шоу: вот он, рейтинг! И так каждый день!

Вот поэтому я использую «волшебный ящик» только для просмотра документальных фильмов о природе. Зато наша Роза Леопольдовна, страстная обожательница всех программ, смотрит подряд все новости, ток-шоу и музыкальные выступления. Зная об отношении хозяев к такому времяпрепровождению, Краузе включает телек, когда никого из нас, включая Кису, нет дома. Вот только Розе Леопольдовне хочется поделиться животрепещущей информацией, которой она нахлебалась в океане нелепостей. К Максу с этими рассказами Краузе не приближается, к Кисе, конечно, тоже, а вот ко мне с дорогой душой. И сейчас я, похоже, услышу очередную сенсацию.

– Ужас, ужас, ужас, – повторяла Краузе.

Я направилась в столовую, спрашивая на ходу:

– Что случилось? В Москве высадились инопланетяне? В нашем подвале работает завод, который делает колбасу из мышей? Все больные в российских клиниках одновременно умерли, потому что им дали некачественные лекарства? На нас надвигается цунами? По Тверской улице носятся саблезубые гигантские летучие мыши?

– Нет, страшнее, – прошептала Роза Леопольдовна, – от Луны оторвался кусок, он летит к Земле. По расчетам астрономов в конце марта глыба свалится на Лондон. Осколок огромный, наша планета рассыплется на части! Все мы погибнем.

Я села за стол.

– Отличная новость! Я успею получить от Макса подарок на Восьмое марта. А там, глядишь, и осколок ночного светила мимо пронесется. Роза Леопольдовна, ну как можно принимать всерьез такие глупости?

– По телевизору сказали, – прошептала Краузе.

– Послушай что говорят, и не верь этому, – фыркнула я.

– Угораздило же Вульфа родиться двадцатого февраля, – сменила тему Краузе.

Я чуть не подавилась чаем. Лампа, ну ты просто самая лучшая жена на свете! Забыла про день рождения мужа! Спасибо, Роза Леопольдовна напомнила. Красиво бы я выглядела двадцатого без подарка! Надо Володе Костину, Коле Махонину, нашему главному на ниве компьютерного сыска, и психологу Константину Львовичу Энтину сообщить о дне рождения Макса, они очень расстроятся, если не подарят Вульфу подарки.

– Неудачный день двадцатое февраля, – тараторила Краузе, – самое начало знака Рыбы! Астролог Кванц Пятый объяснил, что с течением времени вращение Земли ускорилось…

Я отключила слух и стала обдумывать, как лучше провести сегодня, девятое февраля, свой выходной.

Когда я вышла замуж за Вульфа, то очень хотела получить работу в его детективном агентстве. Супруг сначала сопротивлялся моему желанию, но потом часть его сотрудников подцепила грипп, и Максу пришлось попросить меня помочь ему в одном деле. Я стала эпизодически работать в бюро, в котором тогда было мало сотрудников. К слову сказать, не все они были рады моему присутствию, кое-кто говорил:

– Понятно, бабе босса охота в детектива поиграть.

С годами бизнес, который строил Вульф, разросся, теперь у нас есть многоэтажное здание и много разных специалистов. А я стала полноправным членом команды Владимира Костина, мне выдают зарплату. Основная масса тех, что работает у Макса, понятия не имеет, что Романова – жена главного босса. Меня это радует, а выходной день теперь приносит мне детский восторг. Ну и чем сегодня заняться? Поехать в магазин, поискать мужу подарок! Лучше заказать торт! Принесу его в офис, наша команда выпьет чаю. Вульф не любит отмечать день своего рождения, в ресторан он не пойдет…

И тут у меня зазвонил телефон. Я схватила трубку.

– Привет, Вовка.

– Ты где? – поинтересовался Костин.

– А что? – задала я свой вопрос.

– Все собрались, только тебя ждем, – объяснил лучший друг, – с минуты на минуту явится Ирина Николаевна Голкина, наша очередная клиентка.

– Вообще-то мне обещали выходной, – сказала я.

– Верно, – согласился Володя, – завтра, девятого числа. Извини, выходной отменяется. Ты же знаешь, что несколько сотрудников нас покинуло, осталось всего четверо: ты, Энтин, Махонин и я. Николаша в поле не работает, он у компов сидит. У Константина Львовича ума палата, но его одного нельзя отпустить.

– Угу, – пробормотала я, – Энтин прекрасный психолог, но жутко рассеянный.

– Уж прости, но завтра тебе придется работать. После того, как уволилось несколько человек, я пока не подобрал новых сотрудников. Не всякий наш график выдерживает, и не всякого мы в своем коллективе видеть жаждем, – заявил мой лучший друг.

Я взглянула на второй телефон, который лежал на столе. На экране было восьмое февраля! Почему я решила, что сегодня девятое? Кто знает ответ на этот вопрос?

– Короче, ты где? – осведомился Костин.

– В пробке, – лихо соврала я, – скоро прикачу.

Глава вторая

Когда я с опозданием на полчаса влетела в офис, Махонин, Энтин и Костин мирно занимались своими делами. Коля, как обычно, уставился в компьютер,

Константин Львович уютно расположился в кресле, читая очередной толстый том, а Володя беседовал с кем-то по телефону. Я повесила куртку в шкаф, выдохнула и спросила:

– Всем привет, где клиентка?

– Еще не приехала, снегопад, пробки, – объяснил Энтин и оторвал взгляд от страницы. – Дорогая Лампа, вы сегодня очаровательны. Брючки замечательные, розовый цвет всегда в моде, а принт в виде собак свидетельствует о том, что вы человек с чувством юмора.

Я растерялась. Розовые брючки? На мне черные джинсы и серый пуловер.

– Вот только туфельки, на мой взгляд, не по погоде, – улыбнулся психолог, – быстро промокнут. Но если учесть, что вы в машине…

Я опустила взгляд и замерла. Вы когда-нибудь прибегали на работу в красивом свитере, любимых уютных пижамных штанах и домашних тапочках? Не желая никому признаваться в том, что перепутала числа, я собиралась на работу со скоростью таракана, испугавшегося внезапно вспыхнувшего на кухне света. И вот результат спешки: я схватила в гардеробной пуловер, потом решила натянуть джинсы и… забыла это сделать, наверное, что-то меня отвлекло.

Костин, который успел завершить беседу по телефону, засмеялся:

– Да сейчас такая мода, что и не поймешь: на даме вечернее платье или ночная сорочка.

В дверь постучали, я быстро села в кресло и спрятала ноги под стол.

– Входите, пожалуйста, – сказал Энтин.

В комнату вошла женщина.

– Добрый день, – произнесла она. – С кем мне можно говорить, кто из вас Костин?

Володя поднял руку.

– Я.

– Я хочу побеседовать наедине, – нахмурилась клиентка, – я не собираюсь беседовать на базаре!

Константин Львович встал.

– Разрешите предложить вам чаю?

– Я ем и пью только дома, потому что не знаю, где люди берут воду и заварку, – отрезала посетительница, – будет лучше, если вы уйдете. Женщина и парень тоже. У меня семейное дело!

Володя отреагировал спокойно:

– Я не смогу один вам помочь.

– Бабы болтливы, – заявила женщина и в упор посмотрела на меня.

– Мужчины иногда тоже страдают этой болезнью, – возразила я. – У вас, наверное, кто-то из членов семьи пропал. Дочь?

– Да, – удивилась клиентка. – Откуда вы знаете? Я никогда никому не сообщаю о семейных делах. Девочка крошка! Я всегда и везде водила ее за руку. Мир страшен, юную красавицу могут обидеть, изнасиловать. Дочке лучше всегда находиться рядом со мной. И вдруг она пропала!!!

Я встала и направилась к кофемашине.

– Моя покойная мама обожала свое единственное чадо. Делала все, чтобы уберечь меня от любых трудностей. Сопровождала меня в школу вплоть до десятого класса, пыталась возить в вуз, заставила получить образование, которое ей представлялось лучшим. Мать меня обожала, и зная, что скоро умрет от тяжелой болезни, выдала меня замуж за ею же найденного жениха. Я тоже очень любила маму, но мечтала от нее сбежать. Вот только духу не хватило на этот поступок.

– Вы мне хамите! – вскипела клиентка.

– Почему рассказ Евлампии о беспредельно обожающей ее маме показался вам оскорбительным? – спросил Энтин.

Клиентка выдернула из коробки на столе салфетку.

– Ужасно, когда тебя нигде не понимают! В полиции меня не выслушали! Теперь вы издеваетесь.

– Мы готовы вам помочь, – произнес Костин, – если Евлампия угадала и ваша дочь решилась на побег, то девочка может находиться в опасности.

Ирина Николаевна Голкина, так звали клиентку, вынула из сумочки блистер и выщелкнула из него пилюлю. Энтин взял бутылку и протянул ее посетительнице.

– Вода не наша. Она из магазина, наливайте сами в стакан.

Ирина проглотила таблетку.

– Не нужно считать меня сумасшедшей. К сожалению, не известно, из какого источника черпается вода для кулера. Вдруг на заводе есть человек с болезнью Боткина? Или ВИЧ-больной? Я не безумная баба, просто очень боюсь за здоровье Алисы, берегу малышку, а она непонятно куда пропала.

– Сколько лет девочке? – уточнил Костин.

И мы услышали:

– Двадцать четыре года.

Повисла пауза, чтобы прервать молчание, я спросила:

– Чем она занимается?

Голкина оживилась.

– Преподает в колледже историю изобразительного искусства. Она очень талантлива. Могла легко поступить в Суриковское или в Строгановку. Но я удержала ее от этого неразумного шага. У нее диплом с отличием дорогого частного вуза имени Леонардо да Винчи.

– Почему Алиса училась именно там? – полюбопытствовал Энтин. – Прекрасное образование можно получить и в других местах.

Ирина покраснела.

– Ну… везде, кроме института, который окончила дочка, пишут обнаженную натуру. Голых мужчин и женщин. Зачем ребенку на это смотреть? Лисоньку очень ценят на работе, боятся потерять ценного педагога. Правда, зарплата там копеечная, но мы не нуждаемся.

– Как зовут вашу дочь, что написано у нее в паспорте? – продолжил разговор Володя.

– Алевтина Борисовна Голкина, – ответила клиентка.

Махонин застучал по клавишам ноутбука и повторил:

– Алевтина Борисовна Голкина? Дочь покойного Бориса Онуфриевича? Почему вы ее Алисой называете?

– Да, я вдова бизнесмена Голкина, – начала объяснять Ирина, – муж, увы, скончался. Дочку он решил назвать в честь своей матери Алевтины. Имя отвратительное! Как его ласково сократить? Тина? Аля? Фу! К свекрови все почему-то обращались – Валя. А я на рынке покупаю творог у коровницы Валентины.

Энтин улыбнулся.

– Не очень приятно, когда у девочки из богатой семьи и простой молочницы одинаковые имена.

– Вот вы первый, кто меня понял, – обрадовалась Ирина, – ко мне обращаются Ирэн. А дочь? Валька? Алька? Тинка?

Голкина опять вынула блистер и проглотила очередную таблетку.

– Супруг назвал девочку в честь своей матери, Алевтины Гурьевны. С мужем не поспоришь, для него мать – божество без малейшего изъяна и пятнышка. На самом же деле свекровь была вздорная, жадная старуха, которая всегда хотела, чтобы все шло так, как она решила. С ней приходилось советоваться по каждому поводу. Вот вам пример: собралась я в своем доме ремонт делать. Нашла краску для стен – интеллигентный оттенок средиземноморского песка на пляже. Мастера работают, появляется бабка, разгорается скандал. Из ведьмы сыплются вопросы: почему выбрали омерзительный цвет, не посоветовались с ней? Кто разрешил купить краску плохого производителя? Она токсична, немедленно смывайте все, сейчас доставят то, что надо.

Ирина схватила чашку с кофе, которую я успела перед ней поставить, забыв, что не пьет и не ест нигде, кроме как у себя дома, сделала глоток и повысила голос:

– Но это мой особняк! Мне выбирать, какие в нем должны быть стены. Кто хозяйка? Я! Но у свекрови было другое мнение! Она мать, главная женщина в жизни сына. А законная супруга не пойми кто, и лучше бы ее вообще не было. Бежать к Боре, рассказывать про то, как ведьма надо мной издевается, невозможно. Муж обожал злыдню. Стены у нас стали зелеными. Везде. Даже в моей спальне. Случались и события, которые Бориса раздражали, но он никогда в этом не признавался. Когда Алиса появилась на свет, свекровь находилась в Италии, она туда часто ездила. В Москву исчадие ада вернулось, когда внучке исполнилось три месяца. Мегера явилась на младенца взглянуть без подарка. Мне ее подношения не нужны, сама все купить могу, но хоть погремушку фурия могла бы принести?! Алиса карге не понравилась, она заявила: «Не в нашу породу, Боречка, сделай тест ДНК». А когда Баба-яга узнала, что младенец носит имя Алевтина, начался цирк. Ведьма возмутилась: «Это только мое имя! С какой стати его дали девчонке, непонятно от кого рожденной! Нет на то моего согласия! Сын, немедленно назови ее Катькой и проведи генетическую экспертизу».

Ирина сложила руки на груди.

– Муж покорно отправился в лабораторию. И что? Полное подтверждение его отцовства, но злыдню это не переубедило. Она отказывалась видеться с девочкой, а я стала обращаться к малышке – Алиса. Боря на меня налетел:

– Мою дочь Алевтиной зовут!

Я ответила:

– Не хочу расстраивать твою маму. Ей не понравилось, что ты дочку в ее честь назвал, зачем зря бабку нервировать.

Возразить мне супруг не мог. Что ему сказать?

Алиса потом превратилась в Лису. Лисёнка, Лисёныша. Господи, мы всегда были рядом, вместе за руку ходили. И вдруг! Она пропала! Как мне жить теперь?

Энтин встал и пересел на стул около Голкиной.

– Вам сейчас очень тяжело. Знаю, вы умная, воспитанная женщина. Да только беда выбила вас из колеи. Мы хотим вам помочь, нам придется задавать вопросы, некоторые из них могут показаться вам бесцеремонными. Заранее просим прощения, нами движет не праздное любопытство, а желание вернуть Алису домой.

Посетительница на время застыла, потом разрыдалась.

– Я так старалась ради счастья ребенка, все для этого делала, оберегала дочь, как могла!

Константин Львович обнял Ирину, прижал к себе и пробормотал:

– Ну, ну! Слезами горю не поможешь.

Голкина вытерла лицо о пиджак Энтина.

– У меня единственная дочка, других нет, ради нее я готова на любые испытания. И они уже начались. Как только я узнала, что Алисонька исчезла, сразу понеслась в полицию. Объяснила там, что малышка пропала.

Ирина воздела руки к потолку.

– О, моя наивность! Меня выслушали со скучающими лицами, узнали, сколько лет дочке и заявили: «Девушка уже взрослая, надо подождать три дня, скорей всего она протрезвеет и вернется». Никакие мои слова о том, что девочка вообще не употребляет алкоголь, не подействовали.

– Заявление об исчезновении человека обязаны принять сразу, – возмутился Энтин, – и возраст тут роли не играет. Слова о трехсуточном ожидании незаконны.

– Они просто не хотели искать доченьку, – со слезами воскликнула Голкина, – во время моей беседы с дежурным в полиции сидела милая, хорошо одетая дама. Она ко мне подошла и шепнула:

– Давайте выйдем.

На улице женщина сказала, что она адвокат, ее клиентке в полиции тоже отказали, когда сын пропал. Тело его потом нашли на стройке, он захотел в туалет и зашел в укромное место. На голову несчастного упал тяжелый предмет, случилась черепно-мозговая травма. Студент два дня лежал в недостроенном здании в беспомощном состоянии и умер. Начни полицейские сразу поиски паренька, могли бы спасти. Адвокат посоветовала мне не терять времени зря, не добиваться активности от полицейских, они не торопятся кого-либо искать. Нужно бежать в детективное агентство, она дала мне вашу визитку и сказала: «Они лучшие на ниве поиска». И вот я здесь. Спрашивайте что хотите, я отвечу на любые ваши вопросы, только помогите.

Глава третья

Когда после долгой беседы Константин Львович пошел провожать Ирину до ее машины, Николай заговорил:

– Муж нашей клиентки, Борис Онуфриевич Голкин, хорошо известный персонаж. Его отец был одним из самых успешных адвокатов. Мать – заведующей нотариальной конторой. У них была кооперативная квартира в центре Москвы, огромная дача на Николиной горе, две машины. Мало кто из советских людей мог похвастаться подобным набором. Борис – единственный сын в семье Голкиных. После того, как на руинах СССР запылал костер перестройки, большинство бывших советских людей превратилось в нищих. А вот родители Бори остались на плаву. Алевтина сделала нотариальную контору, которой тогда руководила, своей собственностью. А у Онуфрия не было отбоя от специфических клиентов, которых именовали братками.

Борис закончил Плехановский институт, работал… в библиотеке.

– Где? – прервала я рассказ Коли.

– В районном книгохранилище, – уточнил Махонин, – причем не около дома, не в центре, а в Чертаново, которое в те времена считалось окраиной столицы.

– «Плешка» – престижный вуз, – заметил Энтин, – он давал прекрасное образование, славился великолепными педагогами. Выпускники ныне российского экономического университета имени Плеханова устраиваются в престижные места. А Борис осел там, где, как правило, работают дамы среднего возраста. Может, он не доучился, ушел со второго курса?

– Нет! Голкин получил диплом с отличием, – возразил Коля, – и сразу отправился в захолустье. О том периоде жизни Бори ничего не известно. Интернета тогда не было, соцсетей, которые стали неисчерпаемым источником информации, тоже. Мне почему-то кажется, что сын богатых родителей ни разу на выдаче книг не сидел, работа была нужна ему для прикрытия. Чем парень занимался? Может фарцевал, торговал дефицитными товарами в туалетах Москвы? Продавал интуристам за валюту советскую военную форму? Ответа нет. Но вскоре после того, как Горбачев пришел к власти, после апрельского пленума, на котором объявили о реформировании экономики страны, в СМИ появляются упоминания о бизнесмене Борисе Онуфриевиче, он открыл вещевой рынок у метро. Вскоре в газете «Ягода», теперь не существующей, а тогда очень популярной, стали

публиковаться статьи о Голкине, его называли: царь Борис, кровавый Боря, писали, что он является руководителем организованной преступной группировки, на счету которой убийства, грабежи и рэкет. Голкин никак не реагировал на хлесткие заголовки вроде «Крыса в океане долларов». Был ли он на самом деле таким? Пока я ответить не могу, у меня есть лишь самые поверхностные сведения, те, что плавают в сети на виду. На момент, когда сына назвали «паханом-императором», Онуфрий уже умер, Алевтина стала вдовой. К слову сказать, она прожила намного дольше супруга, скончалась в глубокой старости.

В злоязыкой прессе тех лет нет рассказов о загулах Бориса, о его любовницах, он вел закрытый образ жизни, по кабакам не шлялся, в перестрелках не участвовал. Он, будучи далеко не молодым, женился на Ирине, у пары через семь месяцев появилась первая дочь Эльвира.

– Голкина даже не упомянула, что у нее есть еще один ребенок, – удивилась я, – называла Алису единственной дочерью.

– И это правда, – неожиданно согласился Николаша, – Эльвира умерла в возрасте восемнадцати лет.

– Ой, бедняжка, – вздохнул Энтин. – Какова причина ее смерти?

Махонин поморщился.

– Пока я не знаю.

Константин Львович пробормотал:

– Женщины, которые лишились ребенка, делятся на две категории. Одни постоянно говорят об умершем. Им становится легче, когда они слышат слова сочувствия. Другие, наоборот, замыкаются в себе, молчат, им становится хуже, когда кто-то упоминает имя покойного. Наверное, Ирина из второй категории матерей. Эльвира давно умерла?

– Да, – кивнул Николаша, – Алиса тогда была совсем маленькой.

– Следовательно, Эля никак не причастна к исчезновению Алисы, – подхватил Костин, – лучше не касаться темы умершей дочери в разговорах с Голкиной. Не надо ее травмировать.

Коля протянул мне пустую чашку.

– Будь человеком, свари мне кофейку, плесни в него сгущеночки.

– Йес, шеф, – улыбнулась я.

Николаша продолжил:

– Госпожа Голкина намного младше мужа, у нее нет блестящего образования. После окончания восьмилетки выпускница Спиридонова, это девичья фамилия нашей клиентки, пошла учиться в ПТУ на швею. Там красивую девочку заметил один из модельеров и забрал ее к себе. Ирина стала, как тогда говорили, манекенщицей. Из нее не получилось самой яркой звезды, но она уверенно держалась на среднем уровне. Потом вышла замуж за Бориса, осела дома и родила дочь. Ничего ужасного в ее биографии нет. У нее самые обычные родители: мать портниха в ателье, отец шофер, они рано умерли. Жила Ирина до брака в Медведкове в скромной двухкомнатной квартирке вместе с бабушкой, та всю жизнь проработала в аптеке. Перелей в чашку побольше кофеек, в эту сгущенка не поместится.

Последняя фраза адресовалась мне.

– Чашка большая, – удивился Энтин, – вполне пара ложек молока войдет.

Я взяла здоровенную кружку и выполнила просьбу Махонина, потом открыла холодильник, достала банку сгущенки и поставила ее около ноутбука. Махонин потер руки, взял банку и начал выливать ее содержимое в кофе.

– Коля, – ахнул Константин Львович, – друг мой, не покажется ли тебе напиток слишком сладким?

– Слова «слишком сладко» Николаше не известны, – засмеялся Костин, – он даже селедку со сгущенкой ест.

– Вы шутите? – изумился психолог.

– Нет, – возразил Володя, – я тоже сначала смеялся, а потом жена вдохновилась рассказом Махонина и приготовила сие блюдо. Реально вкусно. Берёте селедку хорошего качества и удаляете кости. Выливаете в какую-нибудь миску банку сгущенки, добавляете туда ядреной горчицы, смешиваете, топите в этом соусе сельдь и ставите ее на пару часов в холодильник. Все.

– Горчичка по вкусу, – добавил Николаша, – кое-кто туда еще из лимона сок выдавливает, лук кольцами бросает. Вот не делайте этого! Отвратительно!

– Спасибо за совет, – улыбнулся Константин Львович, – но я пока не готов к таким экспериментам. Николенька, ваша страсть к сгущенке меня пугает.

– Почему? – изумился Махонин.

– От такого количества сладкого поджелудочная железа зарыдает, – объяснил Энтин.

– Моя, наоборот, радуется, – заявил Николай, сделал глоток кофе и взял из вазочки пару конфет, – вообще не сладко получилось. Что я узнал про Алису? Отличница, школу окончила с золотой медалью. Получила диплом частного, не самого престижного вуза, обучение там длится два с половиной года. Она стала реставратором картин. Институт территориально расположен неподалеку от дома, где живет девушка, пешком пять минут идти. До того, как стать преподавателем в колледже, Алиса работала в разных местах. Сначала в театре Кирилла Знаменского, затем в коллективе «Спектакли всем». Первые два места покинула очень быстро, через два-три месяца. Потом трудилась в одном из лучших музеев Москвы в отделе реставрации картин. Проработала там несколько лет и сбежала в колледж. Что, на мой взгляд, интересно? Не лучшее в Москве высшее учебное заведение и два первых места, где девушка служила, находятся в шаговой доступности от ее дома. Непонятно, почему Алиса бросила музей, он кстати, тоже находится в двух шагах от ее квартиры. А вот заштатный колледж, куда она перебралась из музея, расположен на краю Москвы.

Энтин грустно улыбнулся.

– Материнская любовь беспощадна. «Девочка должна высыпаться, ей нельзя спускаться в метро, там зараза и толпы насильников бродят», – думаю, подобные мысли жили в голове Ирины, поэтому она подыскала для дочери учебное заведение поближе к дому.

– А ничего, что в «институте Леонардо да Винчи» хорошее образование невозможно получить? – возмутился Николаша. – Между прочим, в третьесортном колледже Алиса преподает не историю изобразительного искусства, а введение в реставрацию. Мамаша не знает, чем Алиса занимается. Или дочь ее-таки сумела обмануть.

Константин Львович вздохнул.

– Николенька, вы рассуждаете, как умный человек, но у вас пока нет детей, когда они родятся, одновременно с ними появится и страх за них. К счастью, большинство родителей справляется со своим желанием закутать наследника в вату. Но кое-кто живет во власти ужаса. Остается лишь пожалеть и Алису, и Ирину. Им обеим было непросто.

– У Ирины есть сестра Антонина, – уже спокойным голосом сообщил Махонин.

– Может, девушка у нее? – обрадовалась я. – Хотя… Голкина ни словом не обмолвилась о ближайшей родственнице. Вероятно, у них плохие отношения.

– Недопонимание с матерью не означает, что у племянницы и с тетей война, – возразил Энтин, – вдруг Алиса и Антонина добрые подруги? Необходимо побеседовать с ее тетей.

– Давайте-ка вспомним, что рассказала Ирина, – предложила я. – Как она поняла, что дочь пропала?

Глава четвертая

Володя включил запись, в комнате раздался голос нашей клиентки:

– День не предвещал ничего дурного. Я разбудила Лису, отправила ее умываться, проверила, что она собирается надеть. Заменила шелковую блузку на прекрасный свитер, а летнюю юбчонку на теплые брючки. Вот что с детьми делать? Где у них разум? На дворе февраль, ветер, метель. А моя дочь в чем собралась на улицу? Кофточка из тонкого материала, цвет у нее отвратительный! Мышиный! Такой любой женщине придаст больной вид. Юбка еще хуже! Кожаная, фасон колокольчик! Ладно бы Алиса поддела плотные шерстяные колготки. Так нет же! Вырядилась в пустяковые, просто паутинка. И собралась идти в осенних ботинках, и в пальтишке, которое уже в ноябре надо в шкаф убрать.

Раздался голос Махонина:

– Опишите, пожалуйста, в деталях, в чем Алиса ушла: цвет и размер всей одежды.

– Да зачем это вам? – удивилась Голкина.

– Сейчас гололед, Алиса могла упасть, сломать ногу, допустим, «Скорая» отвезла вашу дочь в клинику. Ей сделала операцию. Могу посмотреть в клиниках, в каких вещах к ним доставили прохожих с травмами, – объяснил повелитель компьютеров.

– Хорошая идея, – подхватил Володя.

– Да, да, – примкнул к ним Энтин, – перелом – это больно. Алиса могла потерять сознание, ее оформили как неизвестную.

– Глупости, – прервала их беседу Ирина, – Алиса пешком не ходит, в метро никогда не спускается.

– Номер машины дочки подскажите, – тут же среагировал Коля.

– Она не умеет водить, – заявила мать пропавшей.

– Тогда сообщите данные такси, которое ее везло на службу, – не потерял задора охотничьей собаки Николаша.

– Такси! – ахнула Голкина. – Разве я похожа на сумасшедшую? Всегда сама возила Лисоньку, и продолжала бы это делать, но моя новая машина капризничает: то заводится, то нет. Лисонька из-за этого чуть на работу пару раз не опоздала! Ох, она так переживала! Я наняла Веру Кочеткову. Она чемпионка по экстремальному вождению, ей сорок лет, замужем, трое детей. Прекрасный человек! Честный, открытый, воспитанный, покойные родители были достойными людьми. В элитное такси водителем Вера пошла давно, работает исключительно с постоянными клиентами. Ничем не больна.

– Дайте, пожалуйста, телефон Кочетковой, – попросил Володя.

– Вышлю вам его на ватсап, – не стала отказываться клиентка. – Верочка доставила Лису в колледж, отзвонилась мне и отчиталась. В семь вечера она заехала за девочкой, но двери были заперты, никого не было. Я чуть не умерла. Что случилось? Сразу позвонила директрисе. Оказывается, еще утром в колледж заявились саперы. Кто-то сообщил, что в здании заложена бомба. Учащихся и педагогов отправили по домам. Осталась только завуч, она ждала, когда завершится проверка. Взрывчатки не обнаружили, специалисты уехали. Кто-то мерзко пошутил! Директор уверяла меня, что все разошлись по домам. За Алисонькой она не следила, занималась студентами. Бессовестная, подлая баба! Да ей в первую очередь надо было обратить внимание на моего ребенка. Я перепугалась!

Раздалось всхлипывание, бульканье воды и звяканье, потом прорезался голос Энтина:

– Наверное, розовый свитер, в котором Алиса уехала, эксклюзивная вещь!

– Конечно, – оживилась Голкина, – доченька не носит ширпотреб, я заказываю ей обновки в лучших фирмах по своему дизайну. Пуловер из эксклюзивной шерсти, гладкой вязки. Оригинальная деталь: у него воротничок, как на мужских рубашках. Обычно в свитерах вырезы под горло или у-образные. Но я в молодости работала с талантливым модельером, поэтому в курсе, что красота кроется в деталях. Вот и придумала изюминку. Свитер украшает надпись из разноцветных стразов «Лисонька – кисонька», под ней вышивка: маленькая девочка обнимает рыжую лисичку. Как это вам?

– Прелестно, – произнес Энтин.

– Восхитительно, – добавил Костин.

– Прямо завидно, – сказала я.

– М-м-м, – пробормотал честный Махонин, – м-м-м.

– Дочка тоже в восторг пришла, – кивнула Ирина, – брючки на ней были обычные, темные, из ткани с ворсом.

Я моментально ощутила, как нижнюю часть моего тела стали «покусывать» шерстяные рейтузы, которые мама заставляла меня надевать в сентябре и разрешала снимать в конце июня. Бедная Алиса! Если она сбежала из дома, то я ее очень хорошо понимаю. В ту же секунду мне стало жалко Голкину. Николаша в первую очередь обыщет морги, очень надеюсь, что Алисы там нет, что она жива, здорова и находится сейчас рядом с любимым человеком.

– Еще у нее был бежевый платок с цветочным узором фирмы «Hermes». У малышки было все только самое лучшее, – добавила мамаша.

Володя выключил диктофон.

– Все! Предлагаю действовать так. Лампа договорится о встрече с Верой Кочетковой. Константин Львович пообщается по zoom с директором колледжа, где преподавала Алиса Голкина, Николаша пороется в сети, авось что-то выловит. А я вынужден поговорить с кандидатами на место в нашей команде. Сегодня их восемь человек.

– Навозну кучу разрывая, петух нашел жемчужное зерно, – процитировал Махонин басню Крылова. – Надеюсь, тебе повезет, попадется подходящая кандидатура.

– С каждым интервью надежда тает, – признался Володя, – прочитаешь анкету – радуешься. А как поговоришь, то…

Костин замолчал.

– Начинается обратная перистальтика, – подсказал деликатное выражение Энтин.

– Меня тоже от некоторых людей блевать тянет, – заявил прямолинейный, как младенец, Махонин, – это нормально, не волнуйся, Володя, у всех так. А вот если понос начинается, тогда ясно, что в кабинете сидит совсем гнилой фрукт. Лампуша, говори!

Из ноутбука полетели гудки, потом тихий голос произнес:

– Слушаю.

– Вера Григорьевна? – спросила я.

– Слушаю, – повторила женщина.

– Ваш телефон мне дала Ирина Николаевна… – начала я.

– Простите, я не беру новых клиентов, – перебила меня Кочеткова, – график забит.

– Нет, нет, нет, – зачастила я, – это по поводу Алисы. Госпожа Голкина обратилась в наше детективное агентство.

– А-а-а, – протянула собеседница, – она меня уже допрашивала, чуть ли не расстрелом грозила за то, что ее дочка пропала, только я ничего не знаю. Алиса со мной не откровенничала.

– Нам поможет любая, даже самая незначительная, на ваш взгляд, информация, – не сдавалась я.

– Ну, ладно, – нехотя согласилась Кочеткова, – могу встретиться с вами в шестнадцать часов в кофейне, торговый центр «Чаща радости».

– Спасибо, – обрадовалась я.

Не знаю этот магазин, но там, наверное, можно найти нечто подходящее для Макса. Времени на поиски подарка мужу мне хватит.

Я встала и тут же вспомнила, что щеголяю в пижамных штанах. Возвращаться домой не хотелось. Я дошла до нашей раздевалки, накинула пуховичок и полюбовалась на себя в зеркало. Длинная куртка почти касалась коленей. В машине на всякий случай я держу высокие угги. Если всуну в них лапки, то никто и не поймет, что за брюки на мне.

В самом пркрасном настроении я спустилась в гараж, вбила в навигатор название магазина и увидела время, которое понадобится на дорогу – две минуты. Сначала мне пришло в голову, что тот, кто строит маршрут, просто устал и написал ерунду. Но потом я вгляделась в адрес и поняла, что нужный дом находится рядом, лучше добежать туда пешком.

Я вышла на улицу, получила охапку мокрого снега в лицо, накинула на голову капюшон и побежала по тротуару. Плохая погода всегда развивает у меня невиданную резвость. Влетев в торговый центр, я начала отряхиваться. Много раз заходила сюда, но никогда не обращала внимания на название торговой точки. «Чаща радости»! Надо же такое придумать! Ну, куда пойти?

– Если вам нужен подарок, который должен непременно понравиться каждому человеку, то могу помочь, – произнес за спиной густой бас.

Я обернулась и увидела, что сзади неслышным шагом подкрался парень в футболке с надписью «Любим всех».

– Сюрпризик ищете? – осведомился он. – Себе? Родителям? Детям?

– Мужу, – ответила я.

– Эх, опять невезняк, – рассмеялся юноша. – Ну почему красивая женщина всегда окольцована?

Я хорошо понимала, что парень поизносит текст, который ему дал местный пиарщик. Но все равно приятно, когда тебя именуют красавицей. Пусть комплимент связан с желанием увеличить продажи, мне он все равно по душе.

Глава пятая

– В нашем фирменном бутике, – продолжал тем временем юноша, – вы найдете прекрасный товар для здоровья, отдыха и расслабления. Просто загляните! За просмотр денег не берут. Ваш супруг работает?

– Конечно, – ответила я.

– Наверное, он устает, – посочувствовал Максу парень, – я просто неживой домой вваливаюсь. Кабы не волшебные сапоги, мог бы на жену наорать, на детей. Очень их люблю, но когда целый день вокруг народ жужжит, а потом в квартире жена и ребята щебечут, хочется завопить: «Замолчите!». В машине сапожки натяну, посижу и в прекрасном настроении к родным еду.

– Волшебные сапоги? – удивилась я. – Скороходы?

– Пойдемте в наш бутик, – предложил парень, – поверьте, ваш супруг обалдеет от восторга, когда получит то, что создано лучшими специалистами.

Я поняла, что сейчас окажусь в обувном магазине, где мне попытаются всучить самые обычные мужские ботинки за непомерные деньги. Давно поняла: ценник с невообразимой цифрой вовсе не означает, что я получу товар превосходного качества. В стоимость люксовой вещи заложены расходы на рекламу, упаковку, зарплату продавцов, а если вы заглянули в фирменный бутик, то еще и на содержание сети магазинов. Ботинки за сто тысяч с эмблемой всем известной фирмы и штиблеты за скромные деньги часто делаются на одной фабрике в какой-нибудь стране с дешевой рабочей силой. Просто на первой паре на виду знак, благодаря которому покупатели понимают, сколько за нее надо заплатить, а на второй его нет. Вот и вся разница. Есть люди, которым важно казаться очень богатыми, одеваться так, чтобы окружающие видели, где они приобрели вещи. А я девушка жадная, у меня к шмоткам есть свои требования. Одежда и туфли должны подходить мне по размеру, хорошо сидеть, не жать, не натирать, не сваливаться, радовать и фасоном, и цветом, подчеркивать мои малые достоинства и прятать многочисленные недостатки. Кто произвел товар, госпоже Романовой безразлично, важно из какого материала он сделан. Юбку из настоящей кожи, шубу из невинноубиенной норки я купить могу, но не хочу. Для

того чтобы модно одеваться, нет необходимости кого-то убивать, нынче много всякого разного производят из искусственных материалов.

– Идемте, идемте, – торопил меня рекламщик, который не собирался отпускать свою жертву.

И тут на мое счастье показалась толпа подростков, похоже, они сбежали с уроков. Я живо вклинилась в галдящую массу, затем юркнула в какой-то магазин и обрадовалась. Здорово удалось избавиться от назойливого мужика, который во что бы то ни стало хотел затащить меня в обувную лавку. Сейчас я оказалась в торговой точке, которая называется «С днем рождения!». Здесь я точно найду нужное. Ко мне тут же бросилась девушка.

– Добрый день! Кому ищете подарок?

– Э… э… – пробормотала я, во все глаза глядя на девицу.

Честно говоря, мне хотелось шепнуть ей: «Вы забыли дома юбку». Но потом я пригляделась и поняла: все в порядке, у блондинки рабочее платье обрывается на пару сантиметров ниже места, на котором она сидит, далее шли белые сапоги-ботфорты, на одном сверкала надпись: «Правая нога». Угадайте, что было написано на другом? «Это левая нога»? Я бы тоже так решила. Ан нет, там красовалось сообщение: «В этой коленке мой мозг».

– Чем могу помочь, – зачирикала консультант, окидывая меня цепким взглядом.

– У мужа день рождения… – начала я.

– Суперски! – восхитилась девица. – Я Елена. Нам налево. Первое, что могу предложить: незадуваемые свечи для торта. Дешево. Сердито. Смешно.

– Спасибо, мне лучше что-нибудь другое, – вежливо возразила я.

– Возьмите свечечки, – не сдалась Елена, – все оборжутся. К нам постоянно приходит жена одного академика, берет такие пачками. У них дома собирается компания очень умных людей, и всем этот прикол нравится. Дешево. Сердито. Смешно.

– Давайте посмотрим другой товар, – предложила я.

– Новинка! – объявила Елена, подводя меня к прилавку. – Такого ни у кого нет! Дартс для туалета. Вешается внутри на дверь. Муж сидит, дротики бросает. Только сейчас на пятнадцать минут цена упала вдвое. Берите скорей, вам жутко повезло. Дешево. Сердито. Смешно.

– Мой супруг не увлекается этой игрой, – отвергла я и это предложение.

Продавщица не расстроилась.

– Скачем дальше. Боксерская груша на подставке. С юморком!

Я посмотрела на спортинвентарь красного цвета, на нем белела надпись «Любимая теща».

– Дешево. Сердито. Смешно, – повторила мантру Елена, – этот товар в тройке самых продаваемых. От его использования у мужчин успокаиваются нервы, появляется аппетит.

– У моего мужа тещи нет, – парировала я.

– Повезло вам, – с еле слышимой завистью произнесла продавщица, – а моя маманя четвертого зятя на днях сожрала! Может, фартук ему? С прикольной ржачной смехотой? Носки? Ох! Забыла про новинку! Говорящие трусы.

Я подумала, что ослышалась, и переспросила:

– Говорящие трусы?

– Да, да, – весело подтвердила Лена. – Валера, иди сюда. Ау! Ты где? Эй, жвачка, клиент ждет!

К нам присоединился парень в очках.

– Расскажи ей про штаны, – велела моя сопровождающая, – подарок мужу ищет на д. р.!

– Про что? – меланхолично осведомился юноша.

– Про штаны, – повысила голос Лена.

– Чьи? – не меняя выражения лица, поинтересовался Валера.

– Твои! – топнула ногой девушка. – Выйди из анабиоза беременной черепахи, вспомни, что ты находишься на работе.

Валерий моргнул.

– Не знаю, зачем вам эта информация, но не вижу смысла ее скрывать. Брюки я купил в аутлете, там цена ниже, а качество товара отменное.

Лена дернула коллегу за рукав пиджака.

– Прекрати. Твой хлам никого не интересует. Она хочет купить говорящие трусы.

Парень протяжно вздохнул.

– Ладно. Пошли со мной.

– Идите с ним, идите, – обрадовалась девушка.

Ей определенно хотелось избавиться от посетительницы, которая не обладает чувством юмора.

Мы с юношей молча пошли в глубь зала и добрались до стойки с плакатом «Говорящие трусы – крепкая семья». Продавец обошел меня сзади, некоторое время находился вне зоны видимости, потом встал за высокий прилавок, положил на него альбом, открыл его, повернул так, чтобы я увидела фото, и тоскливо произнес:

– Тут фасоны трусов. Их несколько. Семейные длинные или короткие, плавки, стринги. Какие носит ваш муж?

Я показала на снимок.

– Макс любит такие.

Парень издал протяжный вздох.

– Теперь расцветка, тут более трехсот вариантов. Надписи, рисунки. Или белые, синие, черные, красные, однотонных тоже много.

– Чем проще, тем лучше, – сказала я. – А белье на самом деле разговаривает?

У меня перед лицом появился микрофон.

– Скажите ласковым голосом: «Милый, зачем ты сейчас раздеваешься? Я, твоя жена, жду тебя дома», – попросил продавец.

Я произнесла эту фразу.

– Минуточку, – велел продавец, потыкал пальцем в клавиатуру, потом взял нечто, похожее на пластинку жвачки, налепил ее на трусы, которые вытащил из ящика, подошел к манекену, надел на него нижнее белье, затем предложил:

– Снимите с господина без имени плавки, сам он этого сделать не может.

Я стала выполнять задание и услышала свой голос: «Милый, зачем ты раздеваешься?». Затем раздалось хихиканье.

– Не свойственный вам смешок я добавил, чтобы продемонстрировать, что к словам можно присоединять разные звуки по выбору клиента, – пояснил торговец. – Многим нравится пук! Он совсем сломает кайф. Понимаете, да? Супруг задумал изменить своей законной жене, дело у него с другой дошло до самого интересного момента. А когда он трусы стаскивает, раздается голос жены. Не всякий в такой ситуации сохранит спокойствие, рассмеется и полезет к любовнице в постель. Ну и девушка в койке тоже не стальная. Ее шокируют

слова жены, и пук тоже не способствует романтике. Но вам это не надо. У вас крепкий брак, ваш муж не из тех, кто налево ходит. Да и некогда ему, серьезный бизнес у человека.

Я сделала шаг назад.

– Вы знаете Макса?

Глава шестая

Валера оперся локтями о стойку.

– С Максимом я не знаком, просто посмотрел на вас. Что могу сказать? У вас две собаки, одна с черной, другая с бежевой шерстью. Вы их очень любите.

– Кто вам рассказал о Мусе и Фире? – оторопела я.

Парень вышел из-за стойки, приблизился ко мне, наклонился, взял с рукава моей куртки несколько волосков и объяснил:

– Уходя из дома, вы погладили Фиру и Мусю. Наверное, сказали им: «Не грустите, мама скоро вернется», возможно, угостили их чем-то вкусным. Так поступает только любящая хозяйка. Шерстинки определенно собачьи, у кошек они другие. Цвет разный, черный и бежевый.

– Верно, – пробормотала я, – но на них не написаны имена. Как вы их узнали?

Валерий моргнул.

– Вы сами только что спросили, кто мне сообщил о Мусе и Фире.

– Точно! – подпрыгнула я.

– Люди говорят, не обращая внимания на свои слова, – добавил парень, – сболтнули и мигом забыли. Это позволяет всяким обманщикам изображать прорицателей и гадалок.

– Что вам подсказало, какие у нас с мужем отношения? – не отставала я.

Валерий вернулся за стойку.

– У вас свое лицо, нет выщипанных бровей, как у всех, увеличенных губ, поднятых скул, макияж естественный. Короткая стрижка. Голову помыли и высушили сами, не в салоне. Волосы после стилиста выглядят иначе. Отсутствует яркое покрытие на ногтях, и они короткие. И одежда для того, чтобы просто ее носить, а не голой разгуливать.

– А для чего еще нужны шмотки? – засмеялась я.

Собеседник завертел головой.

– Гляньте налево, там стоит дама в зеленой куртке.

Я посмотрела в указанном направлении и увидела блондинку с роскошными художественно завитыми кудрями. На ней красовались коротенькая кожаная курточка, мини-юбка и сапоги-ботфорты на нереально высокой платформе.

– Размер у посетительницы примерно пятидесятый, – грустно произнес Валерий, – лет ей за сорок. Одинока. Хочет выглядеть на двадцать, поэтому приобрела вещи, которые советуют в интернете. Но шмотье, которое предпочитают старшеклассницы и студентки, ее не молодит. Юность в первую очередь в горящих глазах, а у незнакомки взгляд рыбы. Она не раз побывала в руках пластического хирурга, и это хорошо видно. Мы находимся в торговом центре, люди сюда за покупками приходят, бродят часами, выбирая товар. Очень неудобно на каблуках топать. Но бедняжке хочется найти себе пару, поэтому она всегда находится в боевой готовности. Вы же в куртке и в пижамных штанах и уггах. Что я могу сказать о вас? Удачный брак, Макс вас любит не за внешнюю красоту, а потому что вы это вы. Кольца на пальце нет, но штамп в паспорте точно есть.

Я в очередной раз пришла в изумление.

– Каким образом вы пришли к такому выводу? И откуда знаете, что моего мужа зовут Максимом?

На лице продавца появилось подобие улыбки.

– Вы же хотите купить подарок для супруга, сами об этом сказали. И сообщили его имя несколько раз. Сначала сказали про трусы: «Макс любит такие». Потом удивились: «Вы знаете Макса?»

Никогда я еще не ощущала себя такой идиоткой, как сейчас.

– Загляните лучше в другие торговые точки, – посоветовал парень, – в магазине, где мы находимся, вам ничего хорошего не предложат.

– Спасибо, – поблагодарила я, – у меня есть еще пара вопросов. Вам нравится работать продавцом?

– Нет, – спокойно ответил Валерий, – но без зарплаты я не проживу.

– Кто вы по образованию? – продолжила я и неожиданно услышала:

– Врач общей практики. У меня диплом медвуза. Работал в разных медцентрах. Отовсюду меня выгнали, начальству не нравилось, что пациенты считали меня экстрасенсом-гадалкой. Например, придет бабушка, у нее проблема с желчным пузырем. Я спрашиваю: «Из-за кого вы каждый день расстраиваетесь? Невестка, внуки?». Обычно врачи другим интересуются. Старушка не впервые в клинике, она подготовилась к беседе. Мой вопрос для нее оказался неожиданным, поэтому от удивления она отвечает честно: «Вторая жена Юры такая скотина и уродина в придачу. Только и делает, что отдыхать ездит. Вот была у него первая супруга, красавица, из хорошей семьи, дочку родила, меня любила. Так нет же, влезла эта дрянь меж сыном и его женой, соблазнила дурака!» Выложит все и ахает: «Доктор, как вы про мою вторую невестку узнали?» А я понятия о ней не имел. Просто желчный пузырь очень часто является проблемой завистливых, злых людей. Болезни всегда говорят о характере. Ну и стал народ меня колдуном считать. Но я не экстрасенс, не ведьмак. Просто прослушал курс

лекций по психологии и знаю, что раздражение, гнев, агрессия вызывают повышение артериального давления. Психологи выяснили, что есть вредные для здоровья эмоции. Например, жалость к себе провоцирует сбой в работе печени. Чувство вины может вызвать рак. Выписывая таблетки, надо объяснить больному, что лекарства необходимо принимать, но еще нужно исправить себя. Научись радоваться чужим успехам, не завидуй, не считай себя самым несчастным. Я именно так и делал. А потом главврачи предлагали заявление по собственному желанию написать. Но нельзя лечить тело и оставлять в нем червивую душу. Характер непосредственно влияет на здоровье.

– Хотите получить интересную работу, но не на ниве медицины? – осведомилась я. – Не в поликлинике, а в детективном агентстве.

– Никогда не имел дел ни с полицией, ни с сыщиками, – признался Валерий, – но можно попробовать. Наверное, там лучше, чем в магазине.

– Записывайте телефон, – скомандовала я, – Владимир Костин. Скажите ему, что вас отправила…

– Евлампия Романова, – вдруг перебил меня парень.

– Как вы узнали мою фамилию и имя? – изумилась я.

– Куртку давно из химчистки забрали? – невпопад ответил Валерий.

Неожиданно его странные вопросы перестали меня удивлять.

– Вчера вечером.

Валерий обошел меня и встал за спиной. Я оглянулась, а он поднял край моей верхней одежды.

– Тут квитанция. На ней четко написано: «Евлампия Романова». У меня острое зрение, вы забыли снять бумажку. А утром проспали, торопились, не посмотрели на пуховик внимательно. Я пошел за альбомами с фото говорящих трусов и увидел квиток. Все мои экстрасенсорные способности – это элементарное внимание. Не более того. У вас редкое имя, я впервые его слышу.

– Да, – согласилась я, – многие удивляются. Знакомые обращаются ко мне Лампа. Позвоните Костину минут через пятнадцать, раньше не стоит.

– Конечно, – согласился парень, – вам же надо рассказать другу обо мне.

Я уже собиралась пойти на встречу с Верой Кочетковой, но не могла удержаться от очередного вопроса:

– Почему вы предположили, что мы с Костиным друзья?

– Вы отчество его не назвали, только имя, – объяснил Валерий, – дали его мобильный, а не телефон секретаря.

– Смородин, – завопил визгливый дискант, – подойди к Михайловой.

– Простите, труба зовет, – сказал собеседник, – а у вас встреча, вы все время на часы поглядываете. Если ищете полезный подарок, то в этом торговом центре можно зайти только в «Сапоги-скороходы», там есть интересный товар. Более нигде ничего хорошего не найдете.

Глава седьмая

– Ничего не могу рассказать об Алисе, – сказала Вера и строго осведомилась у официанта: – Капучино на соевом молоке?

– Как заказывали, – лениво ответил тот.

– Что я заказывала, прекрасно помню, – нахмурилась Вера, – вот как сделали, не знаю. У меня аллергия на все коровье. Если не хотите вызывать «Скорую», лучше уточните!

Официант молча забрал чашку и исчез.

– Всегда одна и та же история, – рассмеялась Кочеткова, – просишь продукт из сои, а получаешь совсем не то!

– Трудно вам приходится, – подхватила я тему, – ни мороженого поесть, ни сырников, ни йогурта.

Вера прижала палец к губам.

– Тссс, я не страдаю от аллергии, потому что ее у меня нет. Мороженое, творог, сырники, сметану схарчу с удовольствием. А молоко как молоко терпеть не могу. И в кофе оно отвратительно. Если хотите, чтобы кухня выполнила заказ, говорите про непереносимость того, что заменить решили. В харчевнях боятся судов, денежных штрафов, на все остальное им наплевать.

– Вы возили Алису только на работу и домой? – перевела я беседу в нужное русло.

– Точно, – подтвердила Кочеткова, – мать у нее на всю голову пыльным мешком стукнутая. Сто раз дочери за дорогу позвонит, требует отчета, где едем. Ей повезло, что дочь тихая, я бы такую маманю давно послала, но Алиса спокойно отвечала.

Я попробовала чай, поняла, что пить его не стану, очень уж плохо заварен, и продолжила расспросы:

– Где-нибудь Алиса просила остановиться?

– Никогда, – ответила Кочеткова, – да и мамашка не даст. Она всегда за минуту до того, как я у колледжа приторможу, звонила, Алиса ей говорила: «Да, на месте. Сейчас выхожу». Ни разу не вспылила. Железные нервы у нее, полное самообладание. Вот уж кто совершенно себя контролирует. Наверное, занималась на каких-то курсах, где обучают эмоции сдерживать. Я, правда, посещала подобные, три месяца потратила, и ничего не получилось.

Я взяла печенье.

– С кем Алиса, кроме матери, по телефону беседовала?

– Только с Ириной, – ответила Вера, – остальное время сидела молча и смотрела в окно.

– Может, в вашу последнюю поездку что-то необычное произошло, – попыталась я выудить хоть какую-нибудь информацию.

Кочеткова оперлась ладонями о стол.

– Вообще ничего. Алиса села, поздоровалась, доехала до колледжа, попрощалась и вышла. Как всегда, вежливая, не нервничала, просто удав, а не молодая женщина. Можете тысячу раз ей вопросы задавать, получите всегда одинаковые ответы. У меня есть еще несколько постоянных клиентов. Одни о себе все сообщают. Некоторое время назад парень появился. Он сказал, что живет неподалеку от колледжа в соседнем дворе. Алиса высаживалась, прибегал Петр. Минут пять я его ждала, не больше. Он устраивался, как Алиса, сзади, и давай языком молоть. Я все про него узнала, он не замолкал. Отец у Пети больной, сын из-за этого не может жениться. Как только у него появляется женщина, папашка умирающим прикидывается. «Скорая» прикатывает, давление меряют, врач сыну шепчет:

– Сто двадцать на восемьдесят, просто космонавт, сердце нормальное. Ничего плохого не вижу.

Прямо одинаковые родители у них. Алисе мать хоть работать разрешила. А Петя дома сидел, отца пас. Тот богатый, ухитрился купить в Москве десять квартир, и в Подмосковье еще пару домов. Сдает жилье, поэтому весь в шоколаде. Петр всю дорогу жаловался:

– Не жизнь, а каторга! Езжу по папашиным делам. Хочется иметь свою семью, а как ее создать, если отец меня на привязи держит? Работать не разрешает, говорит: «Когда помру, все твоим будет. Вот тогда и делай что хочешь. А пока я жив, помогай больному отцу, я содержу тебя, одеваю, кормлю». Я сам хочу работать, но он не отпускает, умирающим прикидывается, а потом попрекает. Где логика?

Мне его нытье надоедало, да клиент удобный, садился сразу после Алисы, и высаживала я его через пару минут после того, как он сел. Просто нужно повернуть на другую улицу и затормозить. Пешком легко дойти, мне платят за

время. Когда я узнала, что работы на пять минут, сразу отказалась. А Петя спросил, сколько стоит час, и заверил: «Отдам всю сумму». Если человеку охота деньгами швыряться, то пожалуйста. Кто бы спорил, но не я. Петр оказался самым выгодным клиентом, платил наличкой. Правда, он мне регулярно сиденье пачкал, там, где ручка кресла опускается. Понимаете?

Меня совершенно не интересовал Петя, к этому моменту я едва не заснула с открытыми глазами, но услышав вопрос, очнулась и честно ответила:

– Нет.

– У многих иномарок сзади есть подлокотник, – объяснила Вера, – если его поднять и в спинку утопить, то получится три места в салоне. А когда ручка находится в опущенном состоянии, получается два кресла. Алиса ездила одна, Петр тоже, поэтому подлокотник находился внизу. Парень зачем-то рукой по нему елозил. После Пети часто разноцветные следы оставались, а салон цвета какао. Если вызываешь водителя на своей машине, не обычное такси, руки вымой! Клиентам я замечания не делаю, дорожу ими, конкуренция у нас большая, Петя был моим стабильным заработком. Я молча вытирала после него машину, но очень хотела сказать парню: «Ну что у тебя с руками? Картины без кисточки пишешь?» Ну, вот так. Лишилась сразу двух выгодных заказчиков. Ирина больше ко мне обращаться не станет, и Петя отказался. Голкина звонила, плакала, просила рассказать, что Алиса делала в день исчезновения. Но она, как всегда, или мамашке безумной о дороге отчитывалась, или молчала.

– Отец Петра вас не донимал? – уточнила я.

– Нет, никогда не беспокоил, он умер, – объяснила Вера, – парень позвонил как-то вечером, сообщил: «У отца, кажется, инсульт случился, скончался до приезда врачей. Спасибо вам за работу, но теперь я сам за руль сяду. Хозяином всего стал». А на следующий день Алиса исчезла, поэтому я и говорю о потере сразу двух пассажиров.

У Кочетковой зазвонил телефон, она взяла трубку.

– Да, я! Добрый день, Нина Владимировна. Конечно, отвезу. Нет проблем. Да, занята, но ради вас отменю заказы. Не страшно, не постоянные любимые клиенты, как вы. Через сорок минут? Выйдете из подъезда, и меня увидите.

Вера взяла сумку.

– Простите, больше ничего нового не сообщу, повторяться не стану. Слава богу! Клиент наконец-то образовался. А то прямо полный штиль. Я возила мать Нины к врачу, пока та не уехала жить в Тамбов. Прописка у нее столичная осталась, с московской пенсией в провинции хорошо жить можно, цены там ниже. Ну, я побежала! Спасибо за кофе. Можно я пирожные домой заберу? Детей угощу. Или хотите себе взять?

Я подозвала официанта.

– Пожалуйста, положите пирожные в коробку, а потом принесите мне счет.

Когда радостная Кочеткова убежала, я расплатилась, оставила чаевые, взяла сумку и ушла.

Глава восьмая

Выйдя на улицу, я поежилась от пронизывающего ветра, пошла в офис, поскользнулась, успела схватиться за ручку двери какого-то магазинчика, устояла на ногах и прочитала объявление на двери: «Ателье Филиппа Энт, лучшего кондитера Франции, теперь он работает в Москве. Принимаем заказы к любому празднику». Я обрадовалась. Надо зайти внутрь и поговорить с кондитером, возможно, он сделает торт для Вульфа. Но звонок Костина помешал мне исполнить свое желание. Володя сразу спросил:

– Где ты нашла Валерия?

– В магазине идиотских подарков, – объяснила я, – подумала, вдруг он тебе понравится.

– Интересный парень, – согласился приятель, – я не верю в колдунов-гадалок, но сейчас был удивлен. Грешен, подумал, что доктор насобирал обо мне инфу в сети, хочет попасть к нам, поэтому и корчит из себя провидца. Но потом он

сообщил такое, чего в интернете нет. Я спросил: «Откуда сведения?» Угадай, что я услышал?

– «У вас на пиджаке сзади висит квитанция из химчистки», – рассмеялась я, – это был его ответ на мой вопрос: «Кто вам сообщил мои имя и фамилию?»

– В моем случае Валера иначе высказался: «У вас на лице это написано». И перечислил внешние признаки того, о чем говорит, – объяснил Вовка.

– У тебя что-то случилось? – насторожилась я.

– Сплю плохо, – признался Костин, – начал пить таблетки. Никому о них не говорил, только тебе сейчас. Смородин позвонил, я предложил ему: «Приходите когда сможете». Этакая проверка на степень желания получить работу. Он прибежал через десять минут. Разговор у нас начался, он кое-что сообщил. Я парня остановил: «Спасибо, но информация из интернета меня не интересует». Валерий среагировал очень спокойно: «Я не готовился к встрече. Еще утром понятия не имел о вашем существовании. Евлампия назвала только ваши имя и фамилию. Они не уникальны. Отчество, год рождения остались неизвестны. Как именно о вас сведения выловить? И зачем?» А потом вдруг задал вопрос: «Брови выщипываете?» Я чего угодно ожидал, только не этого, от удивления стреагировал глупо:

– Я что, идиот? Нет, конечно.

Он все с тем же каменным лицом поинтересовался:

– Принимаете этот препарат?

И произнес название. Ну, парню удалось меня удивить, я спросил:

– Как вы про таблетки узнали?

Он ответил:

– У этого лекарства есть побочный эффект, он на здоровье не влияет, но брови редеют, в них возникают небольшие проплешины. Я глянул на вас и сообразил:

у вас бессонница. Все просто. Я не из тех, кто ауру лечит и пророчит наивным людям о том, что их ждет в будущем.

– И как ты поступил? – полюбопытствовала я.

– Предложил ему попробоваться на испытательном сроке, – ответил Костин, – интересный кадр. Но со своими жирными тараканами, непонятно пока, они у него дрессированные или живут как хотят. Правда о его психике в процессе работы быстро выяснится. Ты где?

– Вышла из торгового центра после бесполезной встречи с Кочетковой, – отрапортовала я. – Алиса была молчуньей, она не разговаривала с Верой. А вот таксистка болтунья. Забила мне голову ненужными сведениями о другом своем клиенте.

– У Энтина тоже облом, – сообщил Костин, – директриса колледжа отказалась беседовать с ним через компьютер. Предложила личную встречу в ее кабинете. Константин Львович не водит машину, придется тебе рулить, путь не ближний, уж извини.

– Поняла, – остановила я Володю, – сбрось адрес, телефон, имя и отчество главы колледжа.

– Анна Ивановна Сокина, – тут же сообщил Костин, – я предупредил ее о твоем появлении. Она просила приехать не раньше, чем через два часа, у нее сейчас занятия. Да ты прежде и не доберешься по пробкам.

– Ладно, – согласилась я, спрятала телефон и направилась в кондитерскую.

Она оказалась крохотной, в ней еле-еле поместились два стула и небольшой письменный стол. За ним сидел мужчина, поразительно похожий на Энтина. При виде меня он поднялся.

– Рад встрече с вами. Меня зовут Андрей. Желаете сделать заказ? Прошу вас, присаживайтесь.

– Хочу заказать торт на день рождения, – сказала я.

– Это ваш праздник, или вы решили порадовать кого-то из членов семьи? – осведомился собеседник.

– Мужа, – уточнила я.

– Приятно видеть любящую жену, – восхитился двойник Константина Львовича, – грустно, когда видишь поток дам, которым нужен наш торт для празднования развода!

– Расторжение брака тоже повод для праздника? – изумилась я.

Андрей издал протяжный вздох.

– Как сказала одна клиентка: «Побег из тюрьмы нужно хорошо отметить. В особенности если удалось отжать у тюремщика дом, машину, половину бизнеса и счетов в банке, плюс все полученные подарки». Когда торжество?

Я назвала число.

– Обычно я прошу позаботиться о торте со свечами заблаговременно, но ничего, мы ускоримся, – пообещал мужик.

Клерк открыл ящик стола, вынул лист бумаги и вручил его мне.

– Это анкета, давайте ее заполним. Разрешите спросить ваше имя?

– Евлампия, но лучше Лампа, – сообщила я.

Андрей взял перьевую ручку.

– О-о-о! Как оригинально. Впервые у нас мужчина…

– Это меня так зовут, – уточнила я, – мой супруг Максим.

– То, как вас назвали, радует слух, – расплылся в лучезарной улыбке администратор, – день, месяц, год рождения.

Я сообщила информацию, и у нас потекла беседа.

– Давайте определимся с размером торта. Какое количество гостей ожидается?

– Не более десяти человек.

– Советую два кило.

– Вдруг больше придет?

– Это невозможно. Вы же разошлете инвитасьены! То есть приглашения.

Мне стало смешно. Похоже, хорошо воспитанный Андрюша живет в другом мире, там на вечеринки собираются только те, кого позвали. А в детективном агентстве моментально по этажам полетит весть: у Вульфа днюха, начальник выкатил вкусный торт. И народ помчится в наш офис с желанием полакомиться. Впереди всех окажется главная уборщица Нина Семеновна. Она была первым человеком, которого Макс взял на работу. Тетя Нюся отмывала поразительно грязную крохотную комнату, которую Вульф снял для своего первого рабочего офиса. Нине Семеновне все равно, есть у нее это самое инвитасьен или нет, она найдет Макса где угодно и когда угодно. И я не завидую тому человеку, который рискнет встать на пути у снаряда по имени тетя Нюся, неразумного просто растопчут.

– Два кило достаточно, – повторил Андрей.

– Четыре, – попросила я.

– Хорошо. Какой формы коржи? – продолжил собеседник. – Круг, квадрат, ромб, любое животное? Количество ярусов? Потом определимся с начинкой, глазурью, украшениями. Мы сделаем все, что вы пожелаете: песочный, слоеный, бисквитный, вафельный, заварной. Но если позволительно дать вам совет, то рекомендую бисквит, его любят все. Разрешите помочь вам снять куртку? Здесь тепло, у нас с вами работы часа на три! Кофе? Чай? Коньяк? Шампанское?

Я смутилась.

– Спасибо, к сожалению, я на работе.

– Приходите после окончания службы, – предложил Андрей.

– Я поздно освобожусь.

– Рад вас видеть в любое время, вот все контакты.

Я взяла визитку и в ответ протянула свою.

– Спасибо. У меня просьба. Можете сами придумать торт?

– Сколько вариантов? Десять, двадцать, сорок?

– Хватит пяти.

– Это мало. Я понял вас. Сегодня же передам ваши контакты Алексу, он пришлет на почту, которая указана на визитке, эскизы. И вы с ним все обсудите.

Следующие минут пять мы раскланивались, потом я поспешила к машине.

Глава девятая

– Да не пропала Алиса, – рассмеялась Анна Ивановна, – небось сбежала она от сумасшедшей мамаши.

– Знаете куда и с кем? – обрадовалась я.

Директриса перестала смеятся.

– Нет. Голкина закрыта на все замки. Она вежливая, улыбчивая, спокойная. Но никто из наших вам о ней не сможет рассказать ничего, кроме официальных сведений. Алиса Борисовна хорошо воспитана, никогда не опаздывает,

эрудирована, прекрасно контактирует с учащимися. Как к педагогу, к ней нет никаких претензий. И как к сотруднице тоже не придраться. Одевается она как и положено преподавателю: строгие платья, костюмы, брюки с пуловерами. Все без провокационных вырезов, разрезов, ни разу ее в мини-юбке не видела, в штанах с пупком наружу тоже. Но она очень закрытая, никакой информации о ее личной жизни я не имею. Если Голкина сидит в учительской, и вдруг у нее зазвонит телефон, она всегда выходит в корридор. А вот ее мать!

Анна Ивановна закатила глаза.

– Каждый день по сто вызовов мне. «Девочка приехала на работу?», «Она не простыла по дороге?», «Отправьте Алису выпить чаю, у нее с собой термос!». Первую неделю я удивлялась, но отвечала, а потом заявила мамаше:

– Ирина Николаевна, все вопросы вам лучше задавать дочери лично!

Мать ответила:

– Она на работе выключает телефон, сказала: «Это требование администрации».

Я никогда не давала такого распоряжения, но промолчала. Поняла, что Алиса устала от матери, хочет отдохнуть от нее, когда находится в колледже. И заблокировала контакт старшей Голкиной. Так она приехала! Вошла в мой кабинет без приглашения и заявила:

– Хочу посмотреть, в каких условиях работает моя малышка.

Пришлось ответить жестко.

– В нашем колледже визиты родителей студентов не приветствуются. Родственников педагогов сюда вообще не пускают.

Еле-еле от нее избавилась.

Директриса продолжала возмущаться поведением Ирины, я смотрела в окно, а потом спросила:

– Там пустырь. А где жилые дома?

Анна Ивановна встала.

– Раньше здесь располагался большой завод, часть военно-промышленного комплекса. В нем были административные здания, много подземных цехов. Работало ПТУ, мы с вами сейчас находимся в помещении этого профессионально-технического училища. Даже современные частные гимназии, за обучение в которых немыслимые деньги тратят, они и то не все так хорошо оборудованы, как наше здание. На каждом этаже по четыре туалета, в физкультурном зале душевые. Жилые дома поблизости отсутствуют. Что стало с подземными цехами, я понятия не имею. Вроде они еще были в районе метро «Сокол» и в других местах. Ходят слухи, что их все соединяла тайная линия метро. Вот такая история. А почему вы интересуетесь?

– Моя подруга подыскивает квартиру вблизи вашего колледжа, – соврала я, – ей звонил мужчина по имени Петр. Предложил приобрести трешку, которая досталась ему от покойного отца, он сказал: «Мой дом находится впритык к зданию, где художников обучают».

– Солгал, – махнула рукой Анна Ивановна, – до ближайшего жилого квартала отсюда минут десять пешком. Сначала надо миновать пустырь, потом железнодорожные пути, огромный офисный центр, его года три назад возвели, шоссе, парк и лишь за ним идут пятиэтажки.

– Для некоторых людей десять километров немного, – улыбнулась я. – Может, все же есть кто-то в коллективе, с кем Алиса общалась?

– Сейчас придет та, что владеет информацией о каждом сотруднике. Правда, эти сведения не всегда достоверны, – сообщила Анна Ивановна и нажала на звонок на своем столе.

В комнате появилась девушка, она выпалила:

– Я туточки.

– Лара, познакомься, это детектив, – представила меня директриса, – Евлампия Андреевна, ответь, пожалуйста, на ее вопросы.

– Лучше просто Лампа, – уточнила я.

Лариса захихикала.

– Лампа! Ой, не могу! Надо же так ребенка обозвать.

Я решила побыстрей начать разговор на нужную тему:

– С кем дружила Алиса?

– Лучше спросите: с кем она разговаривала, – еще сильнее развеселилась секретарша, – прямо царица. Поздоровается со мной и мимо проплывает, ни слова больше. «Добрый день, Лариса!» Фу-ты, ну-ты! Мы черная кость, она типа на троне сидит. С коллегами так же. Зато с учащимися она просто подруга, в особенности с мальчиками, а из них выделяла Никиту.

– Ракитина? – уточнила Анна Ивановна.

– Ну! Самого лучшего из всех выделила, – зачастила Лариса, – парень красавец, богатый! Замуж она за него собралась.

– Не неси чушь, – одернула болтунью начальница.

– Я никогда не вру, – обиделась Лариса и убежала, не закрыв за собой дверь.

И почти сразу из коридора донесся ее голос:

– Галь, тебя Анна Ивановна зовет.

Директор закатила глаза.

– Женский коллектив! Понимаете…

Договорить Сокина не успела. В кабинет вошли двое, Лариса и полная женщина, она обратилась к директрисе:

– Звали меня?

– Нет, – отрезала та.

Галина шумно выдохнула.

– Лариска, что за шутки?

– Расскажи им, что Никита и царевна Несмеяна делали в подвале, – потребовала секретарша.

– Вот ты какая, – покраснела Галина, – я случайно проговорилась!

– Галина Васильевна, – сказала Анна, – я прекрасно знаю, что вы не сплетница. У меня в кабинете частный детектив, госпожа Романова.

– Лампа, – засмеялась Лариса.

Галя подняла голову.

– Люстра работает. Что тебя развеселило?

– Ее так зовут, Лампа, – пояснила помощница Сокиной и расхохоталась.

– Выйди вон, – разозлилась начальница.

– Ой. Все. Я замолчала, – пообещала девушка, – буду держать рот на замке.

– Не надо обещать то, что для тебя невыполнимо, – нахмурилась Анна Ивановна.

– Галина Васильевна, – начала я, – Алиса пропала, не вернулась домой. Про то, какая у молодой женщины чрезмерно заботливая мать, нам известно. Ирина Николаевна нас заверила, что у дочери нет друзей. Но только что появилась

информация о близких отношениях Алисы с учеником Ракитиным.

– Это вам Ларка сообщила, – пробурчала толстушка, – она наш местный испорченный телефон. Скажешь ей: «Купила сегодня в аптеке гематоген, а он совсем невкусный, не то что в детстве». И что получится? Лариса птицей полетит по коридорам, и по окончании занятий к тебе начнут люди подходить, соболезнования выражать: «Галочка, у тебя сестра умерла. Вот бедная девушка. Дали ей в аптеке лекарство, рецепты перепутали, всучили отраву. Ой, как ее жалко!»

Галина свела брови в одну линию.

– На минуточку, я одна у родителей! И с Никитой вообще-то другая история!

Завуч начала переминаться с ноги на ногу.

– Садитесь, пожалуйста, в ногах правды нет, – опомнилась Анна Ивановна и вернулась за стол.

Я села в кресло, остальные расположились на диване.

– Галка, говори, – велела секретарша.

– Лариса, сделай нам кофе, – приказала Сокина.

– Вы его уже пили, – начала сопротивляться девушка, которой очень не хотелось покидать кабинет в самый интересный момент.

– Капучино, – сердито уточнила начальница.

Горько вздыхая, главное информационное агентство колледжа удалилось в приемную.

– Начинай, Галочка, – ласково попросила Анна Ивановна.

– Могу рассказать только то, что знаю, – предупредила толстушка.

– Фантастический роман Лариса сочинит, одного выдумщика нам хватит, – поморщилась директриса.

Глава десятая

Галина вынула из кармана телефон.

– Я увлекаюсь фотографией, участвую в разных конкурсах. Людей снимать не люблю. Исподтишка щелкать человека неприлично, а когда просишь кого-то улыбнуться, встать, сесть, то получается фальшиво. Каждый хочет выглядеть лучше, чем он есть, старается понравиться. Вот поэтому на моих снимках в основном птицы.

Галина посмотрела на свою начальницу.

– ЧП у нас случилось! Кто-то сообщил в полицию о том, что в колледже заложена бомба.

– Безобразие, – сердито откликнулась Анна Ивановна, – примчались специалисты с собакой, саперы. Занятия отменили, всех выгнали. Учащихся и педагогов по домам отправили. Остались я и Галя. Мы на улице прыгали. Потом выяснилось, что никакой взрывчатки нет.

– Я пошла в свой кабинет, – объяснила Галина, – он на втором этаже. Те, кто бомбу искал, беспорядок устроили. Но сердиться на них не стоило, они же работали. Я решила убрать помещение. Только начала, Анна Ивановна звякнула: «Галюша, у меня сил нет, трясет от нервов, хочу домой уйти. Запри все двери, пожалуйста. Извини, что бросаю тебя одну». Я ей ответила, что нет проблем, отдыхай! Все на место поставила, немного устала, подошла к окну и вижу: снегири! Очень красивые птицы, раньше они всегда зимой в Москве появлялись, но в последние годы пропали. И вдруг! Сидят у нас на голых кустах, которые забор колледжа окаймляют. Я телефон схватила и давай снимки делать. Окна моего кабинета выходят на задний двор, там есть вход в подвал, он всегда заперт, чтобы учащиеся туда не лезли. И вдруг вижу Алису с парнем.

Галина опустила голову.

– Признаюсь, любопытство меня охватило. Голкина закрыта на все щеколды. Ее кредо – ни слова о личном. Утром пришла, вечером ушла. Рот всегда на замке. Не хамка, не заносчивая, спросишь ее о чем, она вежливо ответит. Если деньги на подарок кому собираем, всегда даст с улыбкой. Но в столовой с нами не сидит, и чай с коллегами не пьет. Она в своем классе торчит. И…

Галина посмотрела на Сокину.

– Не обижайтесь на меня, Алиса по уровню образования и одаренности намного выше остальных преподавателей. Об учащихся я не говорю, они у нас… ну… ну…

Анна Ивановна повернулась ко мне.

– Леонардо да Винчи среди ребят нет. Средний уровень студентов. Однако такие художники нужны везде. С гением общаться подчас невозможно. Преподавательский состав крепкий, но великих педагогов нет. Их вообще единицы. А за ту зарплату, что наша хозяйка платит, гении даже с дивана не встанут. Галя права, Голкина очень талантлива и как художник, и как реставратор. Я не могу понять, зачем она у нас работает? Отец ее олигарх, правда, покойный, но вдова, наверное, унаследовала все.

– Чего только у нее нет, – сообщила из приемной Лариса, – в интернете почитайте, могу адрес скинуть.

– Продолжайте, пожалуйста, – попросила я Галину.

Та вынула из кармана пачку бумажных платков.

– Некрасиво так себя вести, но я не сдержалась. Муж подарил мне дорогую трубку, потому что в ней камера очень хорошая. Я приблизила изображение и запечатлела пару.

– Можете мне фото переслать? – попросила я и протянула Галине визитку.

– Сию секунду, – пообещала та, – оцените выражение лица Алисы.

Послышался тихий звук, я взяла свою трубку.

– Очень счастливая девушка, просто радостью лучится. Знаете, кто рядом с ней?

– Естественно, на юноше очень дорогая куртка, такая есть только у Никиты Ракитина, – сказала учительница, – другие намного проще одеваются.

Лариса опять закричала из приемной:

– Он из очень богатой семьи!

– Зайди в кабинет, прекрати суфлировать из приемной, – велела Анна Ивановна.

Секретарша влетела в комнату.

– Чего ему в нашем колледже делать? У парня мешки денег!

Анна Ивановна провела ладонью по столу.

– Лариса, с чего ты решила, что Никита богат?

Девица начала загибать пальцы.

– Свитера «Гуччи», брюки, правда, не пойми от кого, одеколон «Аква ди Парма», сумка – «Прада», ботинки всегда той же фирмы, что и пуловеры, рубашки определенно на заказ сшиты. На миллионы Никита одевается, весь какой-то иностранный, телефон прямо вау! И не одна трубка у Ракитина. Я его решила прогуглить. Только в интернете Ракитиных Никит много. Сначала я подумала, что он сын олигарха Всеволода Игоревича, того за убийство посадили! Но его сын на фото другой. Блондин, лицо худое. А наш с темными волосами, глаза карие, щеки круглые, нос широкий. Мало похож, и по возрасту тот старше. Нашенского в интернете нет, или у него закрытые аккаунты без фото. Но он точно богатенький.

– Остановись, – сердито скомандовала Анна Ивановна, – у Никиты умерли родители. Он совершеннолетний. Обучался в частном институте искусств, потом

перевелся к нам. В анкете указал родителей. Отец у него не Всеволод Игоревич. Все, Лариса, хватит нести чушь. И даже если родители Никиты преступники, мне все равно. За обучение Ракитин все вперед заплатил, курсовые у него все на отлично. Мальчик талантлив. Вот это главное. Правда, он слегка особняком держится. На последний курс поступил, восемнадцать лет ему исполнилось. Все однокашники друг в друга повлюблялись, порой нешуточные разборки происходят…

– Катя Листова гуляла с Жорой Кулагиным и переметнулась к Васе Гулину, – опять не дала договорить начальнице Лариса, – тот раньше ухаживал за Леночкой Неговой. И такая битва случилась! Елена поколотила Катю, а еще ей от Жоры досталось. Кулагин от всего сердца наподдал…

– Стоп, – скомандовала Сокина, – подробности побоища не нужно сообщать. Подростки! Тут ничего не поделаешь, кровь кипит, сдерживать эмоции они не способны. Но Никита в баталиях не участвует. Внешне он симпатичный парень, очень аккуратный, одет прекрасно, речь правильная, воспитан замечательно. Ему стоит только моргнуть, и любая девочка к его ногам упадет.

– Кое-кто из учительниц тоже, – хихикнула Лариса.

Анна Ивановна сделала вид, что не слышала ее замечания.

– Но Ракитин ни за кем не ухаживал. На вечера, которые мы устраивали, не приходил. Возможно, у него есть любовь вне колледжа.

– Алиса и Никита стояли у входа в подвал, – обратилась я к Галине. – Дальше что?

– Он открыл дверь… – начала завуч и была прервана начальницей.

– Это невозможно! Ключи от замка есть только у меня.

– Отмычку еще в каменном веке изобрели, – парировала Лариса.

– Простите, Анна Ивановна, я говорю правду, – обиделась Галина, – охотничьи истории не мой профиль. Они оба вошли внутрь. Дальше не знаю, что творилось.

Я домой ушла.

Сокина нахмурилась.

– Почему ты мне раньше об этом не сообщила?

– Ничего же не случилось, – пожала плечами Галина, – подумаешь, на минус первый этаж отправились. Алиса – учительница. Никита – студент.

Лариса пришла в восторг.

– Там стоит старый диван из библиотеки! Понятненько!

– Глупости, – занервничала директриса, – вечно у тебя одно на уме! Педагог не имеет права вступать с учащимся в отношения, о которых ты постоянно думаешь!

Лариса одернула юбку.

– Ой, да ладно! За что вы Михайлова уволили?

– Он ушел по собственному желанию, – отрезала хозяйка кабинета.

– Аха-ха, – обрадовалась секретарша, – ага, в заявлении так написано. А на самом деле что? Сергей Алексеевич шпили-вили завел с мамашей Лены Морозовой! Учителю можно с родительницей любовь крутить? Правда, баба не замужем.

– Нет, конечно, – вспыхнула Анна Ивановна, – но матери девочки не стоило вступать в подобные отношения.

– А им плевать, что вы думаете, – подпрыгнула секретарша, – и Никите, и Алисе тоже!

Директриса встала.

– Спасибо всем. Галочка, можешь идти домой. Лариса, ступай в библиотеку и сиди там.

– Чего это? – изумилась болтунья.

– Потому что надо навести там порядок, – нашла повод избавиться от излишне активной девицы Сокина, – уничтожь абонементы тех, кто выпустился в прошлом году.

– Делать мне больше нечего, – пробурчала девушка, но убежала.

– До свидания, – попрощалась Галина и покинула кабинет.

Анна исподлобья посмотрела на меня.

– Как вы относитесь к мышам? Крысам?

– Особой любви к ним не испытываю, но не боюсь грызунов, – честно ответила я.

Директриса вынула из ящика письменного стола ключ.

– Я на минус первый этаж давно не ходила. Паниковать начинаю при виде мерзких созданий. Лариса способна придумать что угодно. А вот Галина не врушка. И на фото видно, что парочка стоит у двери в подвал. Давайте глянем, что там? Не верю я в интимные отношения Алисы и Никиты. Но зачем они вниз ходили? Только зайдем в кладовку, я масло возьму, замок заедает.

Глава одиннадцатая

Ключ легко повернулся в замке без помощи смазки.

– Сюда часто кто-то заглядывает? – удивилась я. – Сразу дверь открылась.

– Два раз в году, – ответила Анна, – осенью мы убираем шланги для полива кустов, волейбольную сетку снимаем, другой инвентарь со спортивной площадки прячем. Достаем лопаты для снега, скребки. Весной происходит обратный процесс. Интересно! Замок кто-то смазал, я тоже обратила внимание, что он без проблем поддался. Обычно не так получается. Осторожно, ступеньки не все целы. Надо лестницу чинить, подвал в порядок приводить, да владелец денег не выделяет.

Послышался щелчок, вспыхнуло несколько ламп, забранных железными сетками.

– Как вам пейзаж? – осведомилась Сокина.

Я стала осматриваться. Серые стены, потолок того же цвета, пол выложен темно-бордовой плиткой. Похожая была в туалете школы, куда ходила я маленькая. Особого порядка здесь не было, стеллажи, шкафы, полки отсутствовали. Старые сломанные стулья, скелет без рук и одной ноги, кипы газет-журналов, пластмассовые тазы, ведра, тряпки, грязный ватный матрас, кирзовые сапоги, батарея отопления, древний диван…

– К романтическим свиданиям обстановка не располагает, – заметила я, – и запах здесь не очень приятный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/darya-doncova/mamasha-barmaley

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити